

УДК 316.74

*Рязанова С.В.,
Пермякова Н.С.*

**ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
САМОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОРЫ
ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ
МОЛОДЕЖИ БОЛЬШОГО ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ г. ПЕРМЬ)**

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Пермский научный центр УрО РАН, Мира, 26, Пермь, 614066, Россия;

E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Пермякова Наталья Сергеевна

Пермский научный центр УрО РАН, ул. 1-я Урожайная, 14, Пермь, 614065, Россия

E-mail: perminata@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности национальной и конфессиональной самоидентификации русской молодежи как части титульной нации. Этническое и национальное сознание анализируются как значимые составляющие процесса индивидуальной и групповой самоидентификации. Исследование охватывает учащуюся и работающую молодежь, приехавшую и изначально проживающую в городе. Молодежь является объектом, изучение которого позволяет прогнозировать закономерности социального развития в будущем. Рассмотрение проблемы учитывает поликонфессиональный, полиэтничный и пограничный в географическом отношении характер Урала как региона. Делается акцент на специфике поведения представителей именно титульной нации, как в значительной мере определяющей социальный портрет молодежи. Понятие большого города используется как устойчивое, наделенное рядом характерных черт. Авторы устанавливают причины сниженного интереса к религиозному и этническому отождествлению себя с группой у молодых людей, принадлежащих к разным социальным группам и объединенных проживанием в крупном городе. Определяются условия, необходимые для интенсификации процесса идентификации. Предлагаются средства актуализации процессов формирования идентичности молодежи.

Ключевые слова: постсоветская Россия; проправославный консенсус; религиозная ситуация; социальное настроение.

*Ryazanova S.V.,
Permyakova N.S.*

**ETHNIC AND CONFESSIONAL CONSCIOUS-
NESS AS FACTORS OF IDENTIFICATION
IN THE RUSSIAN YOUTH OF THE BIG CITY
(ON THE EXAMPLE OF PERM)**

Ryazanova Svetlana Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Perm Scientific Center of Ural Division of the Russian Academy of Sciences

26 Myra St., Perm, 614066, Russia; *E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Permyakova Natalya Sergeevna

Perm Scientific Center of Ural Division of Russia Academy of Sciences

14 1-Urozhainaya St., Perm, 614065, Russia; *E-mail: perminata@mail.ru*

АБСТРАКТ

The authors consider the features of the national and confessional self-identification of the Russian youth as part of the title nation. The ethnic and national consciousness is analyzed as significant components of the process of individual and group self-identification. The research covers the studying and working youth – the newcomers and residents of the city. The youth is the object whose studying allows to predict the common factors of social development in the future. The consideration of the problem includes the multi-confessional, multi-ethnic and geographically boundary character of Ural as a region. The emphasis is placed on the specifics of behavior of representatives of the title nation, as it considerably determines the social portrait of the youth. The concept of the big city is used as a steady concept, possessing a number of characteristic features. The authors reveal the reasons for the reduced interest in the religious and ethnic self-identification with the group in young people belonging to different social groups and united by residence in the large city. The authors determine some conditions necessary for the intensification of the process of identification. Besides, they offer a number of ways aimed at updating the processes of identity formation in the youth.

Keywords: youth; identity; consciousness; culture; ethnic; confessional.

Исследования социальной идентичности стали особенно актуальными в последнее время в силу ряда произошедших в обществе перемен. Возникло целое направление представителей социологической мысли, посвятивших свои работы проблемам этой направленности [4, 20, 21, 31]. Западные социологи также отмечают, что идентичность является ключевым понятием для современного общества [36, с.367]. Стоит констатировать, что данная категория находится на перекрестке междисциплинарных интересов, несмотря на длительную историю связанного с ней дискурса [23].

Н.И. Даудрих, аргументируя значимость проблемы, констатирует: «Во-первых, поведение человека, его действия во многом зависят от того, из какой социальной позиции он действует, причем значимым оказывается не только само объективное положение человека в общественной структуре, но и то, как оно видится своему носителю, то есть его социальная идентичность. Во-вторых, в период крупных структурных перемен в обществе происходит смена сложившихся ранее идентичностей, формирование новых, восстановление разрушенных, исчезновение некоторых прежних идентичностей. Ряд аспектов идентичности трансформируется особенно значимо: так, серьезные изменения происходят с пространственными и временными аспектами из-за переопределения границ самой территории общества и рамок протяженности его социального времени» [6, с. 77-78]. Становление идентичности представляет собой перманентный процесс, связанный с утверждением межперсональных связей [37, с. 748] и конструированием индивидуальной идентичности [40; 33, с. 389], и этот релятивизм обеспечивает постоянную актуальность изучения самого процесса. Общеизвестно, что «“нормально” функционирующая идентичность всегда проблемна и представляет собой направленный идентификационный процесс, имеющий как свои цели, так и предпосылки, где одни образы Я поддерживаются, другие достигаются, а третьи отвергаются» [7, с. 178].

В ряду наиболее значимых факторов в формировании современной идентичности стоят этническое и конфессиональное са-

мосознание как определяющие, во многом, поведение личности в социальном пространстве. Конструирование обоих видов идентичности представляется индикатором роста уровня самосознания индивида и группы. Гендерная и этническая идентичность являются центральными компонентами в структуре социальной идентичности личности, поскольку «именно принадлежность к этническим и гендерным группам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации» [16]. Поэтому национальная и религиозная идентичности играют ведущую роль в условиях разного рода социальных конфликтов и противоречий [18].

Предметом рассмотрения выбраны особенности идентификации, протекающей в молодежной среде. Молодежная страта выбрана нами в качестве объекта исследования, прежде всего, потому, что это позволяет оценивать перспективы идентификационных процессов, прогнозировать их протекание, предвидеть, какими будут параметры этноконфессионального пространства страны в будущем. Н.И. Даудрих справедливо отмечает, что «идентичность молодых более неустойчива, в ней отсутствует окончательная сформированность, она быстрее реагирует на происходящие перемены» [6, с. 86]. Процесс становления идентичности на ранних этапах жизненного пути протекает наиболее интенсивно и ярко. Именно в юности связанные с идентичностью установки приобретают устойчивость, укрепляется осознание своей принадлежности к группе, определяется мотивация ее выбора, формируется мировоззрение [16]. Одновременно становление этнорелигиозного сознания является показателем гражданской зрелости молодежи и завершения процесса социализации.

Различные аспекты молодежной самоидентификации уже были рассмотрены в ряде научных публикаций [3, 12, 13, 19]. Вместе с тем, в большинстве из них мы не встречаем детального анализа особенностей восприятия молодежью групп, которые обладают иными конфессиональными и этническими качествами, в то время как именно восприятие другого и конструирование понятия границы с другим являются краеугольными камнями для формирования собствен-

ной идентичности [27, с. 119; 5, с. 198; 34, с. 240].

Важность такого рода исследования для Перми усугубляется тем, что Урал традиционно является многонациональным и поликонфессиональным регионом. На территории Перми проживают представители более шестидесяти национальностей, а также последователи основных традиционных религий и около трех десятков религий нового типа [данные переписи населения 2002 г. по Пермскому краю]. Исследования, затрагивающие территории с такими характеристиками, уже неоднократно проводились в отечественной и зарубежной социологии [1, 10, 11, 15, 26, 28, 38, 39], однако Пермский край не становился объектом отдельного внимания именно в аспекте изучения специфики этноконфессиональной идентичности.

Как правило, в таких условиях в исследовательских проектах особое внимание уделяется так называемым малым народностям, которые потенциально могут находиться в ущемленном по некоторым параметрам положении. Проблемы титульной нации в таких местностях чаще всего не принимаются во внимание, хотя и рассматриваются в некоторых работах [2]. Факторы формирования этнической идентичности русских также чаще рассматриваются в работах, исследующих регионы с иной титульной нацией [25].

Не ставя перед собой задачи охарактеризовать все аспекты и закономерности социального бытия титульных наций, авторы исследования ориентированы на выявление специфики, которая сопровождает самоидентификацию молодежи, относящейся к таким этническим общностям. Поэтому представляется необходимым исследовать особенности этноконфессиональной идентификации именно русской молодежи.

При определении темы было учтено и такое обстоятельство, как специфика большого города. В это понятие мы вкладываем совокупность ряда характеристик, которые сопровождают населенные пункты, численность проживающих в которых превышает один миллион. К таким параметрам относятся, несомненно, развитые инфраструктура и система массовой информации, многопрофильное производство, динамичная полити-

ческая жизнь, наличие резкой социальной, этнической и религиозной стратификации, многоступенчатая система образования. В связи с этим можно говорить о наличии целой системы факторов, формирующих молодежную идентичность в современную нам эпоху. Как отмечалось ранее, внутри этой системы важную роль играют конфессиональная и этническая идентичности. Основной целью исследования, таким образом, становится определение соотношения указанных идентичностей и доминанты в процессе самоидентификации русской молодежи, проживающей в большом городе.

Исследование проходило в мае-августе 2007 года в г. Перми – всего собственными силами было опрошено 805 человек. Объект исследования – молодежь, временно или постоянно проживающая в Перми в возрасте от 15 до 30 лет, учащиеся высших и средних специальных учебных заведений, а также работающие. Выборка – целевая квотная. Исходя из статистических данных по г. Перми, были пропорционально опрошены учащиеся государственных и негосударственных учебных заведений (гуманитарного, технического и естественнонаучного профиля), а также молодежь – работники умственного и физического труда. Всего было охвачено 20 различных специализаций. Среди опрошенных – студентов ВУЗов почти 50%, учащихся средних специальных заведений около 28%, остальные – работающая молодежь. Метод сбора информации – раздаточное анкетирование. Выбор метода [32, с. 26], обусловлен спецификой объекта исследования – молодежи, его интеграцией в малые социальные группы (студенческие группы, коллектив на предприятии). Предпочтение анкеты стандартизированному интервью объясняется тем обстоятельством, что задаваемые вопросы имеют глубокий интимно-личностный характер и не всегда могут быть озвучены вслух.

Граница между учащейся и работающей молодежью представляется нам размытой, поскольку многие совмещают эти два занятия, и здесь, скорее, отнесение молодого человека к первой либо второй группе зависит от его собственной идентификации. Тем не менее, 28,4% пришлось на тех, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование;

почти 43% респондентов закончили только среднюю школу; 19,6% имеют незаконченное среднее образование. Самый низкий процент оказался тех, кто получил среднее специальное образование – чуть более 9%. Если говорить о профиле образования респондентов, то 42% пришлось на гуманитариев, 39,3% отнесли себя к получившим или получающим техническое образование, 13,5 сочли этот профиль естественнонаучным.

Что касается длительности проживания в краевом центре, то почти 60% опрошенных оказались уроженцами Перми, еще 31,6% – приезжие, ориентированные на постоянное проживание в городе, и около 10% полагают, что уедут после окончания учебного заведения.

Около половины (46,6%) респондентов пришлось на возраст 18-19 лет. Около 12% пришлось на группы в возрасте 16 и 17 лет. На каждый год от 20 до 26 лет процент охваченных опросом уменьшается с шагом в 1,5-2% – от 9 до 1,2%. На молодых людей в возрасте старше 26 лет пришлось всего 2,5%.

Для почти трети молодежи, принявшей участие в опросе, этническая принадлежность окружающих людей не является существенной: 27,3% заявили, что ни разу не интересовались национальным составом коллектива, в котором они учатся либо работают. Более

50% процентов участников опроса постоянно общаются в многонациональных коллективах (21,5% указавших, что коллектив мононациональный, на наш взгляд, плохо осведомлены в этом вопросе). Однако этого нельзя сказать об их собственной этнической принадлежности. Только 8% утверждают, что им безразлично, к какой национальности они принадлежат. Всего 1% готов поменять национальность, если бы представилась такая возможность, поскольку принадлежность к русским абсолютно ничего не дает.

Следует отметить, что в национальном вопросе большинство респондентов проявили умеренность: 56,5 % отметили, что придают вопросу своей этнической принадлежности небольшое значение, а 16,6% совсем отказались этой проблеме в значимости (почти 3% затруднившихся ответить, на наш взгляд, стоит отнести к последней группе – для них также вопросы национальной принадлежности не актуальны). Только около четверти опрошенных действительно придают значение тому, что являются русскими. Для мужчин этот показатель оказался более высоким (29,3%), чем для женщин (19,8%). Последние чаще всего (почти 60%) выбирали среди вариантов ответа тот, который говорит о незначительной важности самого факта собственной этнической принадлежности (таб. 1).

Таблица 1

**Зависимость представлений о традиционной культуре
и гендерной принадлежности (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 1

*Dependence of the views of traditional culture and gender identity
(% of the questioned males and females)*

Какие возможности дает Вам Ваша национальность?	мужской	женский
Возможность чувствовать себя уверенно, поддержка от своих	32,3	37,2
Возможность сохранять и передавать детям язык, культуру	55,2	58,9
Возможность лучше отстаивать свои интересы	16,0	14,6
Возможность гордиться историей и культурой России	66,9	68,7
Возможность единения с людьми одной культуры, религии	19,5	17,2
Ничего не дает, хотел бы быть представителем другой национальности	1,2	0,9
Мне безразлично, к какой национальности принадлежу	5,8	9,6

Даже если бы эти показатели были гораздо выше в тех вариантах, что предполагают важность своей этничности, то собранные данные о том, насколько осведомлена молодежь в культуре своего народа, все равно подтвердили бы ее амбивалентность в этом вопросе. Так на вопрос: «Какие элементы культуры Вашего народа сохранились сегодня в Пермском крае?», почти 63% ответивших указали календарные праздники и обря-

ды, около трети опрошенных упомянули похоронно-поминальную практику, свадебные мероприятия и традиционную пищу, и только 60% указали в качестве живого элемента культуры родной язык. Примечательно, что среди девушек количество заявивших о своей осведомленности оказалось выше, чем у молодых людей почти по всем пунктам от 7% до 14% (таб. 2).

Таблица 2

**Осведомленность о национальных элементах культуры
в зависимости от пола (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 2

Awareness of national elements of culture according to the gender (% of the questioned males and females)

В чем, прежде всего, заключается для Вас лично Ваша национальная принадлежность?	мужской	женский
Традиционный костюм	8,7	7,4
Традиционная пища	29,6	43,8
Календарные праздники и обряды	56,8	67,3
Свадебный обряд	24,9	38,3
Похоронно-поминальные обряды	33,0	40,3
Язык	56,2	62,5

Складывается впечатление, что внешней стороне материальной культуры дамы придают большее значение, нежели мужчины. Содержание ответов, очень слабо совпадающих с реальной ситуацией в городской культуре, в первую очередь свидетельствует о невнимании к вопросам такого рода в молодежной среде.

Между тем, более 60% утверждают, что в их семье сохранились национальные праздники (к сожалению, исследование количественного типа не дает возможности выяснить, что попадает в эту категорию), почти 30% указали, что придерживаются национальной кухни (также не оговаривая ее содержание). Около 13% затруднились ответить на этот вопрос, а 17% уверены, что никаких национальных традиций в их семье не воспроизводится.

Критерии, на основе которых национальная принадлежность определяется, оказались достаточно пестрыми (сами критерии в опросе были заданы в виде неальтернативных переменных): для 65,7% таковым является родной язык; около 52% полагают, что русские

имеют специфические черты характера и психологию поведения; 46% полагают, что основой является историческое прошлое; только 25,7% уверены, что этническая принадлежность сопряжена с конфессиональной; треть опрошенных готова считать, что национальность должна отражаться во всех чертах культуры. Такое соотношение вполне объясняет и сравнительно невысокую долю тех, кто готов быть задействованным в культурных традициях русского этноса. Так, исключительно в национальных праздниках принимают участие только 27% респондентов, 16,5% готовы откликнуться на торжества и других народов, для почти 15% безразлично, в рамках какой традиции они празднуют то или иное событие, а почти четверть опрошенных в принципе не принимает участие в мероприятиях такого рода. Если добавить к последней категории 17% затруднившихся ответить, то получается, что для почти 40% внешняя сторона национальной культуры не важна, а еще треть достаточно неразборчива в этом отношении.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, какие плюсы предположительно может извлечь русский молодой человек из своей национальности. В этом аспекте самая большая группа респондентов сложилась из тех, кто в этнической принадлежности видит, прежде всего, возможность гордиться историей и культурой России (67,9%). Примечательно, что здесь явно видно стремление представителей титульной нации в какой-то мере узурпировать источник происхождения общекультурных ценностей и достижений страны, связывая их с деятельностью почти исключительно русских. С другой стороны, в таком отношении можно увидеть и стремление повысить собственную значимость. Значительная доля молодежи выделяет среди преимуществ своей «русскости» возможность сохранять и передавать детям родные культуру и язык (57%). Кстати, почти 84% молодых людей действительно интересуются историей и культурой своего народа. 35,1% молодых людей уверены, что среди своего народа они всегда встретят поддержку и смогут найти единомышленников. Стоит отметить, что среди девушек оказалось несколько больше тех, кому в принципе безразлично, к какой национальности принадлежать (9,6% против 5,8% у молодых людей мужского пола).

Для 18,2% этническая принадлежность дает ощущение сопричастности с культур-

но-религиозным единством. Сравнительно невысокий процент молодежи, поддерживающей данный тезис, свидетельствует об интенсивных процессах модернизации социума, результатом чего становится его открытость новым веяниям, возникновение приоритетов универсального характера, выходящих за этнические или конфессиональные рамки. Собственно, широкое распространение с начала 1990 гг. так называемых новых религий является одним из аргументов в пользу данного утверждения. Хотелось бы также соотнести указанные 18,2% с теми 25,7%, которые готовы соединить национальное и религиозное. Меньшая доля тех, кто видит в православии преимущество, по сравнению с теми, кто просто фиксирует наличие некой общности, также, на наш взгляд, говорит о потере данной традиционной системой статуса общерусской системы верований, априори необходимой.

Гордость за свою национальную принадлежность испытывает около 51% респондентов. 36,3% склоняются к аналогичной позиции, и только чуть более 6% не видят причин гордиться тем, что они русские. Мужчины оказались более чувствительны в этом вопросе: в отличие от женщин, среди которых действительно испытывают чувство гордости 44,2%, они занимают аналогичную позицию почти в 60% случаев (таб. 3).

Таблица 3

**Зависимость гендерной принадлежности и гордости
за национальную принадлежность (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 3

*Dependence of gender identity and pride in national identity
(% of the questioned males and females)*

Испытываете ли вы гордость за свою национальную принадлежность?	мужской	женский
Да, испытываю	59,7	44,2
Скорее да, чем нет	26,4	43,8
Скорее нет, чем да	3,2	2,6
Нет, не испытываю	4,6	2,6
Затрудняюсь ответить	6,1	6,8
Всего	100,0	100,0

Весьма примечательны указанные поводы для гордости. Более 60% в качестве таковых указали гостеприимство и широту души, 57,3% – отзывчивость, около 50% – открытость. Активность, предприимчивость и трудолюбие составили соответственно 34%, 21,5% и 44%. Треть считает, что можно гордиться честностью русского народа. Менее 15% среди похвальных качеств назвали скромность, хитрость и спокойствие. Только 3% полагают, что гордиться особенно нечем. Из приведенных данных вырисовывается определенный образ русского народа, бытующий в умах молодежи: положительное в нем составляют те качества, которые связаны в большей мере с контактами с другими национальностями. Характеристики, способствующие материальному процветанию, занимают второе место, а этические параметры – третье.

Довольно четко определена и иерархия негативных качеств представителей русского народа. На первом месте стоят пьянство и грубость (80,8%), на втором – лень (64,9%), далее следует низкий культурный уровень (51,1%). Со значительным отрывом далее идут отсутствие чувства собственного достоинства (27,5%), и предприимчивости (12,8%).

В процессе собственной национальной самоидентификации большое значение имеет отношение к представителям других народов, являющееся, по мнению ряда психологов, отправной точкой самоопределения любой группы. Отношение «мы – они» может служить индикатором уровня развития самоощущения этноса. Людей, полностью толерантных или умеренно терпимых к так называемым «инородцам», набралось почти 59%, в то время как занимающих противоположную позицию оказалось только 34% (7% вполне ин-

дифферентны в этом вопросе). Одним из примиряющих начал в этом случае оказалась религия как универсальный способ отношения к миру, дающий возможность вхождения в это пространство индивида вне зависимости от его национальной принадлежности. Придерживаясь такой позиции, 76,8% опрошенных указали, что люди разных национальностей могут верить в одного Бога, а, следовательно – находиться в некоем непротиворечивом единстве, нивелирующем этнические рамки.

На наш взгляд, большинство опрошенных в целом не воспринимает национальные проблемы как болезненные, несмотря на работу СМИ. Межэтнические конфликты рассматриваются ими только через призму того, задевает ли это их самих и близких им людей. Когда речь в анкете зашла о национальной нетерпимости, 4,3% отметили, что формулировка вопроса описывает надуманную проблему, 40% указали, что это личное дело каждого, 5,6% готовы мириться с беспределом, если это не задевает самих русских. Почти 20% уверены, что есть этносы, которые необходимо третировать, и только 28,7% утверждают, что такие явления для современного общества неприемлемы. Примечательно, что мужчины в этом вопросе оказались более нетерпимыми, нежели девушки: необходимость проявления нетерпимости они отмечают чаще на 6%, а ее неприемлемость признают реже на 10,2% случаев (таб. 4). Думается, что здесь стоит говорить не только о проявлениях бытовой ксенофобии, но и о том, что в оценке окружающего мира у многих молодых людей сегодня доминируют эгоцентрические тенденции, вытесняющие неактуальные для самого индивида вопросы на периферию сознания.

Таблица 4

Отношение молодежи к проявлениям национальной нетерпимости

Table 4

The attitude of the youth towards ethnic intolerance

Как Вы относитесь к оскорблению национальных чувств?	Частота	Процент
Это личное дело каждого	322	40,0
Смотря о какой национальности идет речь	57	7,1
Бывают случаи, когда это необходимо	112	13,9
Нормально, если это не задевает мою национальность	45	5,6
Это неприемлемо	231	28,7
Это надуманная проблема	35	4,3
Всего ответивших на вопрос	802	99,6

Вопрос религиозной принадлежности оказался еще менее значимым, по сравнению с вопросом национальности (данные приведены в таблице 5).

Таблица 5

Отношение молодежи к религии

Table 5

The attitude of the youth towards religion

Вы верующий человек?	Частота	Процент
Считаю себя глубоко верующим, соблюдаю религиозные обряды	59	7,3
Верю в Бога по привычке, по традиции	337	41,9
Испытываю колебания между религиозной верой и неверием	174	21,6
Безразличен к религии и атеизму	50	6,2
Не разделяю веру в Бога, но уважаю чувства верующих	99	12,3
Не разделяю веру в Бога и убеждаю в этом окружающих	13	1,6
Затрудняюсь ответить	72	8,9
Всего ответивших на вопрос	804	99,9

Как глубоко верующими, так и активно неверующими (на наш взгляд, речь идет об одном и том же типе отношения) назвали себя только 7,3% и 1,6% ответивших. Кстати, среди молодых людей убежденных атеистов оказалось больше, чем среди девушек, хотя и ненамного (2,9% против 0,7%). Около 42% осознают, что верят по привычке или потому, что это религия предков. В этом варианте вообще сложно утверждать, идет ли на самом деле речь о вере, либо это выражение бытующих в обществе стереотипов поведения. Еще 21,6% колеблются между верой и неверием, видимо занимая при этом отчасти утилитарную позицию. Почти 20% ни во что не верят, но либо игнорируют этот вопрос (6,2%), либо мирятся с теми, кто имеет другие убеждения (12,3%). Таким образом, число искренне верующих в два раза меньше, чем тех, кто не верит и впредь не собирается этого делать, а безразличных в этом вопросе фактически 63%. Это не означает, что молодежь атеистична по своей сути, скорее в данной возрастной категории обозначенная проблема пока вытесняется у большинства другими, более актуальными.

С одной стороны, у большей части участников опроса имелся шанс для воспроизведения религиозного отношения: почти у 60% являются верующими представители старшего поколения. Учитывая то, что около 14% молодых людей просто не имеют инфор-

мации такого рода, получают достаточно высокие показатели. У почти 80% имеются верующие среди близких родственников (8% затруднились ответить, следовательно, эта цифра может быть еще выше). 62% постоянно контактируют с верующими людьми как с друзьями. Следовательно, можно говорить о наличии религиозной среды и возможности включения туда молодых людей.

То, что только 50% решились реализовать такую возможность, является свидетельством активности выбора своей мировоззренческой позиции, не совпадающей с позицией родителей и окружения. Несколько противоречит этому тот факт, что 43,5% считают, что знакомы с историей церкви, к которой они принадлежат. 47,6% отметили, что знают основные положения учения, которого они придерживаются. Видимо, пассивное отношение к вере в сочетании с подачей информации о православии в ходе изучения истории страны дают повод для такого суждения, тем более, что «быть знакомым» – очень расширительное определение. Хотелось бы также отметить, что в анкете не уточнялось, о какой религии идет речь. Вполне возможно, что часть тех, кто утвердительно ответил на вопрос о своей осведомленности в вопросах веры, принадлежит к так называемым «новым религиям», для которых характерна более высокая интенсивность религиозной жизни.

Нам представляется, что отношение к религиозной практике для части молодежи является либо вопросом культурной конъюнктуры, либо желанием перестраховаться в экзистенциальном плане: количество желающих посетить храм составило почти 60% (это на 10% больше, чем число тех, кто уверен в своей религиозности). Чаще такое желание испытывают женщины (65,8%), нежели мужчины (51,9%). Эта акция, очевидно, должна иметь разовый характер для большей части участников опроса, поскольку только 8% респондентов полагают, что храм необходим для вхождения в религиозное пространство. Для почти 73% участие в коллективной культовой практике не является постоянной потребностью. Видимо отношение к Богу для большинства стало не только сугубо личным вопросом, но и очень узким аспектом индивидуального существования. Молодежь Перми в целом не производит впечатления группы, для которой вера – это феномен, требующий постоянного воспроизводства и трансляции. Только 13,4% готовы давать своему ребенку религиозное образование в воскресной школе, 26,6% еще не решили для себя этот вопрос, а 58,6% не приемлют подобный вид образования для собственных детей.

Одним из показателей приверженности своей вере является ее понимание как противовеса другим учениям такого рода. Среди молодых людей, охваченных анкетированием, 33% отметили, что воспринимают иноверцев очень хорошо. Более 28% считают себя вполне толерантными людьми. 8% заняли почти безразличную позицию в этом вопросе. Более 15% склонны негативно относиться к представителям другой веры, а 18% их просто не приемлют. Как видно, для почти двух третей опрошенных наличие людей, принадлежащих к другой системе верований, не является болезненной проблемой, что, по нашему мнению, вполне нормально для поликонфессионального региона.

Если сравнить с аналогичными данными по представителям других национальностей, то получится, что религиозность окружающих людей для молодежи более безразлична, нежели этничность (хотя, оба показателя в принципе не очень высокие). Среди моло-

дежи разных возрастов 47,3% полагают, что представители одного народа ближе друг другу, нежели единомышленники в вопросах веры. Противоположную позицию заняло 32% опрошенных. Среди реально неприятных вещей вопросы, связанные с национальной принадлежностью (как неальтернативные переменные), затронули в 102% случаев, с религиозными вопросами – 152%. Однако оскорбление своего национального достоинства как проблему указали почти 54%, а своей веры – только 35%. Очень высокие показатели оказались в тех формулировках неприятного, которые связаны не со своей национальностью, а как раз с равноправием разных этносов и религиозных течений. 53,4% возмущены нарушением прав человека в свободе выбора вероисповедания, 49,4% не приемлют неодобрительные высказывания в адрес представителей других религий, 39,3% считают болезненными для себя конфликты в коллективе между людьми разных национальностей. В этом аспекте разными оказались показатели среди респондентов мужского и женского пола. Молодых людей гораздо чаще волнует оскорбление собственных чувств в сфере национальной или религиозной принадлежности, а также отход от традиций. Девушки больше озабочены проявлениями несправедливости в обществе и нарушением прав человека (см. таб. №6).

Неслучайно только треть респондентов полагает, что существуют религиозные течения, которые стоит запретить (приблизительно столько же полагает, что русские должны придерживаться традиционной религии своего народа, то есть православия). Для 30% этот вопрос вообще не оказался достойным ответа, остальные резко против административных мер такого рода. Почти 36% полагают, что плюрализм в религиозной жизни – скорее положительное явление, а 6% уверены, что чем религий больше, тем лучше для общества и его граждан. В той или иной степени отрицательно к нетрадиционным системам веры относится 37% молодежи. Пятая часть оказалась совершенно безучастной в этом вопросе. Следовательно, почти 65% молодых людей, принявших участие в анкетировании, не пугают изменения в религиозной жизни города и страны.

Таблица 6

**Зависимость гендерной принадлежности и возможных
нежелательных социальных отношений** (в % к числу опрошенных каждого пола)

Table 6

*Dependence of gender identity and possible undersiable social relationships
(% of the questioned males and females)*

Для Вас действительно неприятны и являются проблемой...	мужской	женский
Конфликты на работе (учебе) между людьми разных национальностей	33,6	43,6
Неодобрительные высказывания в адрес представителей других религий	37,7	58,2
Ущемление прав человека на возможность верить во что хочется	42,4	61,7
Проживание рядом с соседями разных национальностей	11,4	7,4
Отказ представителей Вашего народа от традиционной религии	17,0	12,2
Оскорбление Вашего национального достоинства	52,0	54,7
Оскорбление Вашей религиозной веры	35,4	34,9
Другое	1,2	0,0
Затрудняюсь ответить	18,1	10,5
Всего	100,0	100,0

Как и в случае с национальной нетерпимостью, данные цифры не являются показателями высокого уровня толерантности, а, скорее, свидетельствуют о неосведомленности в данном вопросе и личной незаинтересованности большинства респондентов.

Проведенное исследование показало, что в процессе самоидентификации современной молодежи, проживающей в большом городе, итоговый результат в значительной мере зависит от того, какой аспект или аспекты идентификации являются достаточно значимыми. По-видимому, соотнесение себя с определенной этнической или конфессиональной группой не является уже столь значимым вектором социального бытия для подрастающего поколения. Вполне возможно, что на этом месте помещаются идентификации с менее крупными группами, которые в обыденной жизни в условиях постоянной смены ситуаций являются более полезными для сферы общественной коммуникации. Примечательно, что невысокую степень важности рассмотренных аспектов идентификации исследователи отмечают и в других возрастных и этнических группах как населения РФ [15], так и других государств [8].

На наш взгляд, соотнесение себя с крупными социальными общностями требует определенного уровня мировоззренческой зрелости и наличия сформировавшихся мотивов для самоопределения такого рода. Молодежь в крупном городе формирует у себя приоритеты и систему ценностей, в которые пока не очень часто помещаются религиозность и этничность. Именно этим объясняется общая индифферентность большинства молодых людей обоего пола в рассматриваемых вопросах. Думается, что даже система мероприятий по развитию гордости за свой народ и культуру не будет эффективной, если ее применение будет обозначено исследуемой возрастной группой. Основной акцент в процессе социального воздействия, по нашему мнению, стоит перенести на более ранний возраст.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 07-01-82101 а/У.

Acknowledgements

The research was conducted with the assistance of RGNF, a grant No. 07-01-82101 a/ Ural.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе: Ставрополье // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 41-47.
2. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. №6. С. 38-44.
3. Васильев В.Г., Мазеин В.О., Мартыненко Н.И. Отношение студенческой молодежи к религии // Социологические исследования. 2000. №1. С. 118-120.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
5. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. 764 с.
6. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология. М., 2000. №12. С. 77-95.
7. Ипатов Л.П. Православная идентичность как персональный портрет // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН. 2006. С. 169-214.
8. Исаев К. Особенности идентичности жителей постсоветского Кыргызстана // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 91-94.
9. Казьмина О.Е. РПЦ и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографическое обозрение. №1. URL: <http://www.rodon.org/relig-091029122754> (дата обращения: 18.11.2010)
10. Каргина И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. №4. С. 45-53.
11. Кардинская С.В. Удмурты об этнической идентичности (опыт пилотажного исследования) // Социологические исследования. 2005. №5. С. 100-105.
12. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. №3. С. 124-128.
13. Кобзева Н.А. Особенности религиозности студентов (на примере православия) // Социологические исследования. 2006. №10. С. 143-146.
14. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: Институт социологии РАН, 2012. 149 с.
15. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77-89.
16. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008 // URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (дата обращения: 18.11.2010)
17. Молодежь России: социальное развитие. М.: Наука, 1992. 204 с.
18. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность: о новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. №10. С. 33-40.
19. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. №12. С. 50-55.
20. Российская идентичность в Москве и регионах. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. 268 с.
21. Русские: этносоциологические исследования. Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Л.В. Остапенко и др. М.: Наука, 2011. 190 с.

22. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 141-168.
23. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45-62.
24. Скриптунова Е.А., Морозов А.А. О предпочтениях городской молодежи // Социологические исследования. 2002. №1. С. 105-110.
25. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. 124 с.
26. Телебаев Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 101-105.
27. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.
28. Убайдуллаева Р.А. Межэтнические отношения в оценках населения Узбекистана // Социологические исследования. 2005. №12. С. 87-94.
29. Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. №3. С. 106-108.
30. Целищева В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов дальневосточного региона // Социологические исследования. 2007. №1. С. 122-127.
31. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л.М. Дробижина. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
32. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования». М., 2007. 323 с.
33. Cerulo K.A. Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. Vol. 23 (1997). P. 385-409.
34. Dashefsky A. And the Search Goes on: The Meaning of Religio-Ethnic Identity and Identification // Sociological Analysis. Vol. 33. №4 (Winter, 1972). P. 239-245.
35. Driedger L. Ethnic Self-Identity: A Comparison of Ingroup Evaluation // Sociometry. Vol. 39. №2 (June, 1976). P. 131-141.
36. Howard J.A. Social Psychology of Identities // Annual Review of Sociology. Vol. 26 (2000). P. 367-393.
37. Kinnvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // Political Psychology. Vol. 25. №5 (Oct., 2004). P. 741-767.
38. Piller I. Identity Construction in Multilingual Advertising // Language in Society. Vol. 30. №2 (June, 2001). P. 153-186.
39. Rankin D.M. Identities, Interests, and Imports // Political behavior. Vol. 23. №4 (Dec., 2001). P. 351-376.
40. Weigert A.J. The Social Production of Identity: Metateoretical Foundations // The Sociological Quarterly. Vol. 27. №2 (Summer, 1986). P. 165-183.

REFERENCES:

1. Avksentyev V.A. Babkin I.O., Hots A.Yu. Confessional Identity in the Conflict Re-gion: Stavropol Territory // Sociological Researches. 2006. No.10. Pp. 41-47.
2. Arutyunyan Yu.V. About Ethnic Components of the Russian Identity // Sociological researches. 2009. No.6. Pp. 38-44.
3. Vasilyev V.G., Mazein V.O., Martynenko N.I. Position of Student's Youth to Religion // Sociological researches. 2000 . No.1. Pp. 118-120.
4. Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. Hands. project and edition of L.M. Drobizheva. M.: Russian political encyclopedia, 2013. 485 p.
5. Guboglo M.N. Identity Identification: Ethnosociological Sketches. M., 2003. 764 p.
6. Daudrikh N.I. Social Identity: Methodical Aspect // Sociology. M., 2000. No.12. Pp. 77-95.
7. Ipatova L.P. The Orthodox Identity as a Personal Portrait // Civil, Ethnic and Religious Identity in Modern Russia. M.: Ying t of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 169-214.
8. Isayev K. Features of Identity of Inhabitants of Post-Soviet Kyrgyzstan // Sociological researches. 2009. No.5. Pp. 91-94.
9. Kazmina O.E. The Russian Orthodox Church and Problems of Identity, the Religious Legislation and Human Rights in Modern RUSSIA // The Ethnographic re-view. No.1. URL: <http://www.rodon.org/relig-091029122754> (date of access: November 18, 2010).
10. Kargina I.G. Self-identification of Believers: social motivation // Sociological researches. 2004. No.4. Pp. 45-53.
11. Kardinskaya S.V. Udmurts about Ethnic Identity (experience of flight research) // Sociological researches. 2005. No.5. Pp. 100-105.
12. Karpukhin O.I. The Youth of Russia: the Features of Socialization and Self-determination // Sociological researches. 2000. No.3. Pp. 124-128.
13. Kobzeva N.A. The Features of Religiosity of Students (on the example of Orthodoxy) // Sociological researches. 2006. No.10. Pp. 143-146.
14. 14. Consolidating Identity and the Modernization Resource in Tatarstan. M.: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 149 p.
15. Kuveneva T.N., Manakov A.G. Formation of Spatial Identity in the Boundary Re-gion // Sociological researches. 2003. No.7. Pp. 77-89.
16. Miklyaeva A.V., Rumyantsev P.V. The Social Identity of the Personality: contents, structure, formation mechanisms. SPb. 2008. URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (date of access: November 18, 2010).
17. The Youth of Russia: Social Development. M.: Science, 1992. 204 p.
18. Mchedlov M.P. Religious Identity: about new Problems in Inter-civilization Con-tacts // Sociological researches. 2006. No.10. Pp. 33-40.
19. Petrova L.E. Social well-being of the Youth // Sociological researches. 2000. No.12. Pp. 50-55.
20. The Russian Identity in Moscow and Regions. Edition of L.M. Drobizheva. M.: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; MAX. Press, 2009. 268 p.
21. Russians: Ethnosociological Researches. Yu.V. Arutyunyan, L.M. Drobizheva, L.B. Ostapenko, etc. M.: Science, 2011. 190 p.

22. Ryzhova S.V. About a Ratio of the Orthodox Identity and Civil Consciousness // Civil, ethnic and religious identity in modern Russia. M.: Ying t of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 141-168.
23. Simonova O.A. To Formation of the Sociology of Identity // Sociological magazine. 2008. No.3. Pp. 45-62.
24. Skriptunova E.A. Morozov A.A. About Preferences of the City Youth // Sociological researches. 2002. No.1. Pp. 105-110.
25. A Sociological Answer to an «ethnic question»: the example of the Republic of Bashkortostan. M.: Institut of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 124 p.
26. Telebayev G.T. The Religious Identification of the Population and Religious Situation in the Republic of Kazakhstan // Sociological researches. 2003. No.3. Pp. 101-105.
27. Tishkov V.A. Requiem for Ethnos: Researches on Welfare Anthropology. M., 2003. 544 p.
28. Ubaydullayeva R.A. The Interethnic Relations in the Estimates of the Population of Uzbekistan // Sociological researches. 2005. No.12. Pp. 87-94.
29. Hodzhayeva E.A., Shumilova E.A. Revival of Religion and Ethnic Identity of the Tatar Youth in the Republic of Tatarstan // Sociological researches. 2003. No.3. Pp. 106-108.
30. Tselishcheva V.G. The Features of Ethnic Identity of the Youth of the Small People of the Far East Region // Sociological researches. 2007. No.1. Pp. 122-127.
31. Ethnicity in the Socio-political Space of the Russian Federation. Experience of 20 years / L.M. Drobizheva. M.: New chronograph, 2013. 336 p.
32. Yadov V.A. The Strategy of Sociological Research. M., 2007. 323 p.
33. Cerulo K.A. Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. Vol. 23 (1997). Pp. 385-409.
34. Dashefsky A. And the Search Goes on: The Meaning of Religio-Ethnic Identity and Identification // Sociological Analysis. Vol. 33. №4 (Winter, 1972). Pp. 239-245.
35. Driedger L. Ethnic Self-Identity: A Comparison of Ingroup Evaluation // Sociometry. Vol. 39. №2 (June, 1976). Pp. 131-141.
36. Howard J.A. Social Psychology of Identities // Annual Review of Sociology. Vol. 26 (2000). Pp. 367-393.
37. Kinvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // Political Psychology. Vol. 25. №5 (Oct., 2004). Pp. 741-767.
38. Piller I. Identity Construction in Multilingual Advertising // Language in Society. Vol. 30. №2 (June, 2001). Pp. 153-186.
39. Rankin D.M. Identities, Interests, and Imports // Political behavior. Vol. 23. №4 (Dec., 2001). Pp. 351-376.
40. Weigert A.J. The Social Production of Identity: Metateoretical Foundations // The Sociological Quarterly. Vol. 27. №2 (Summer, 1986). Pp. 165-183.